

Лион Фейхтвангер

ИСПАНСКАЯ БАЛЛАДА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Ф 36

Lion Feuchtwanger
DIE JÜDIN VON TOLEDO (SPANISCHE BALLADE)
Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1955 and 2009
DIE HÄBLICHE HERZOGIN MARGARETE MAULTASCH
Copyright © Aufbau Verlag GmbH & Co. KG, Berlin 1954 and 2009
All rights reserved

Перевод с немецкого Галины Потаповой, Веры Станевич

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Г. Е. Потапова, перевод, 2025
© В. О. Станевич (наследники), перевод, 1960
© В. Н. Ахтырская, перевод стихотворений, 2025
© Б. В. Ковалев, перевод стихотворений, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26830-2

ИСПАНСКАЯ БАЛЛАДА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Король воспылил страстью к еврейке,
а прозвание ей было Фермоза, Краса-
вица, и с нею позабыл он свою супругу.

*Альфонсо Мудрый.
Crónica general¹ (ок. 1270)*

El Rey con la su mujer,
A Toledo habia llegado;
Mas como amor es tan ciego
Al Rey habia engañado.
Pagóse de una judía;
D'ella estaba enamorado.
Fermosa habia por nombre,
Cuádrale el nombre llamado.
Olvidó el Rey á la Reina,
Con aquella se ha encerrado².

*Лоренцо де Сепульведа.
О том, как король Альфонсо Восьмой
пленился прекрасной еврейкой
(романс, 1551)*

ГЛАВА 1

Минуло восемьдесят лет после кончины пророка Мухаммада, и мусульмане за это время создали мировую державу; от индийских пределов она широкой полосой протянулась через всю Азию и Африку, вдоль южного побережья Средиземного моря, до самого Атлантического океана. На восьмидесятом году неустанных завоеваний мусульмане достигли узкого западного

¹ Король Альфонсо X, правивший Кастилией и Леоном с 1252 по 1282 г., был правнуком Альфонсо VIII Благородного (1155–1214), героя романа Фейхтвангера. Ему приписывается составление «Всеобщей хроники», большой испанской летописи. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² «Приехал король Альфонсо / В Толедо с женою своей, / Но правит любовь слепая / Поступками всех людей. / Увидел король еврейку / И тотчас пленился ей. / Фермозой ее прозвали — / Красавицей, светом очей, / И в замке своем высоком / Супругу забыл он с ней» (*исп.*). Перевод Б. Ковалева.

пролива Средиземного моря, переправились в Андалус, то есть Испанию, сокрушили христианское государство, за триста лет до того основанное вестготами, и покорили себе полуостров до Пиренейских гор.

Новые властители принесли с собой новую, более развитую культуру и превратили завоеванный край в прекраснейшую страну Европы, обустроенную наилучшим образом и густонаселенную. По планам искусных архитекторов, под мудрым градостроительным надзором возникли великолепные большие города, каких в той части света никто не видывал со времен древних римлян. Кордова, резиденция халифа, превратилась в столицу всего западного мира.

Мусульмане занялись сельским хозяйством, которое здесь давно пришло в упадок, и, продумав систему орошения, сделали почву на удивление плодородной. Они добились успехов в горном деле, призвав себе на помощь новые достижения техники. Их ткачи производили драгоценные ковры, тончайшее сукно; их столяры и резчики выполняли изысканную работу по дереву, а скорняки славились выделкой мехов. Их кузнецы не знали себе равных, они с одинаковым совершенством ковали орудия труда и войны. Чего только не выходило из их мастерских: мечи, шпаги, кинжалы — острее и красивее, чем у немусульманских народов, и доспехи у них получались самые крепкие, и метательные орудия самые дальнобойные, а еще они выделяли хитрое потайное оружие, тоже внушавшее христианам немалые опасения. Умели они изготовлять и еще кое-что, наводившее жуть, — так называемый жидкий огонь, смертоносную горючую смесь.

Корабли андалусских мусульман, благодаря искусству математиков и астрономов, были быстрыми и надежными, так что торговля шла успешно и испанские рынки заполнялись всевозможными товарами, доставлявшимися из всех концов исламского мира.

Искусства и науки достигли расцвета небывалого, прежде неслыханного в том краю. В отделке зданий величавость сочеталась с проработанностью мельчайших деталей, что создавало впечатление чего-то особенного, значительного. Продуманная система воспитания, включавшая самые разные дисциплины,

каждому давала возможность приобрести знания. В Кордове было три тысячи школ, в каждом крупном городе — свой университет, а столь богатых библиотек не существовало со времен эллинской Александрии. Философы дали Корану более широкое толкование, перевели мирские сочинения греческих мудрецов, приспособив их к своему образу мысли и в итоге пересоздав. В пестром, красочном искусстве рассказа фантазия вырвалась на неведомые доселе просторы. Богатый, звучный арабский язык был усовершенствован великими писателями до такой степени, что мог передавать малейшие оттенки чувств.

С покоренными мусульмане обращались милостиво. Для своих христиан они перевели Евангелие на арабский язык¹. Многочисленным евреям, при христианах-вестготах всячески притесняемым, они предоставили права обычных граждан. Да, под властью ислама евреи в Испании зажили так счастливо, как не жили, пожалуй, никогда после падения их собственного царства. Они служили халифам, занимая должности министров и лейб-медиков, основывали мануфактуры и большие торговые предприятия; их корабли бороздили просторы семи морей. Не забывая своей собственной, еврейской письменности, они развивали целые философские системы на арабском языке, они переводили Аристотеля, соединяя его учение с учением своей Великой Книги и с доктринами арабских философов. Библейскую критику они развивали свободно и смело. Их усилиями возродилась еврейская поэзия.

Такой расцвет продолжался более трех столетий. А потом пришла великая буря и все уничтожила.

Дело в том, что во времена мусульманского завоевания разбитые отряды христиан-вестготов сумели укрыться в гористой северной части Испании, в этих труднодоступных местах они основали маленькие независимые графства и оттуда, из поколения в поколение, продолжали вести войну с мусульманами — партизанскую войну, герилью. Они долго сражались одни. Но потом римский папа объявил крестовый поход, и выдающиеся проповедники принялись обращаться к верующим с пламенными

¹ Первый перевод Священного Писания с латинского на арабский язык осуществил в 946 г. христианин из Кордовы Исхак ибн Балашк.

речами, призывая вырвать из-под власти ислама земли, некогда отнятые у христиан. И тогда к воинственным потомкам христианских властителей Испании начали отовсюду стекаться крестоносцы. Почти четыре столетия дожидались последние вестготы своего часа и теперь наконец устремились на юг. Изнежившимся, утонченным мусульманам было не выстоять против грубого натиска. За несколько десятилетий христиане отвоевали всю северную часть полуострова, до реки Тахо.

Мусульмане, все сильнее теснимые христианским воинством, призывали на помощь своих африканских собратьев. То были дикие, ревностно преданные своей вере воины ислама, многие из них были обитателями огромной южной пустыни, Сахары. И то и удалось остановить продвижение христиан. А заодно они изгнали хорошо воспитанных, свободомыслящих мусульманских государей, до сих пор владевших аль-Андалусом¹; африканским воинам было не по нутру прохладное отношение к вере. Африканский халиф Юсуф² присоединил аль-Андалус к своим владениям. Дабы очистить страну от всяческого неверия, он велел представителям иудеев явиться в Лусену, в свою ставку, и обратился к ним с такими словами: «Во имя всемилостивого, всемилосердного Бога! Пророк обещал вашим праотцам, что их будут терпеть в землях, где властвуют правоверные, — но есть одно условие, записанное в древних книгах. Если пройдет полтысячелетия, а ваш мессия так и не явится, тогда вы — ведь праотцы ваши на то согласились — признаете Мухаммада величайшим из всех пророков, который превосходит всех ваших посланников Божиих. Ныне пятьсот лет истекло. Так исполните договор, признайте пророка и станьте мусульманами! Или покиньте мой Андалус!»

И тогда огромное множество евреев покинуло ту страну, хоть им и не было разрешено взять с собой имущество. Большинство из них направилось в северную Испанию, ведь для того, чтобы восстановить разоренный войной край, христианам нужны были евреи с их познаниями по части хозяйства и реме-

¹ Под аль-Андалусом понималась вся мусульманская часть Испании. Соответственно, в разные столетия размеры этой территории были различны; во всяком случае, аль-Андалус не тождествен территории современной Андалусии.

² Юсуф ибн Ташфин (ок. 1006–1106) из династии Альморавидов.

сел и разнообразными другими навыками. Они предоставили евреям равные гражданские права, отнятые прежними христианскими властителями, а вдобавок даровали им многие привилегии.

Однако некоторые евреи оставались в мусульманской Испании и принимали ислам. Таким образом они надеялись спасти свои богатства, а позже, когда обстоятельства станут более благоприятными, переселиться на чужбину и вернуться к вере отцов. Но до чего же сладостно было жить на родине, в милом Андалусе! Поэтому переселение все откладывалось да откладывалось. Когда после смерти халифа Юсуфа власть перешла к менее суровому правителю, евреи еще немного пораскинули мозгами, а потом и вовсе оставили мысль о переселении. Правда, находиться в аль-Андалусе по-прежнему не дозволялось ни одному неверному, но в доказательство своей приверженности к истинному исповеданию достаточно было время от времени появляться в мечети и пять раз на дню произносить: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк Его». Прежние иудеи могли втайне соблюдать свои обряды, и в очищенном от евреев аль-Андалусе, если поискать, можно было найти немалое количество еврейских молитвенных домов.

И все же они, эти тайные иудеи, хорошо понимали, что их тайна известна многим и, если разразится новая война, их всех объявят еретиками. Они знали: начнись новая священная война — им всем конец. И когда они каждый день, как предписывал их закон, молились о ниспослании мира, эту молитву творили не только уста, но и сердца.

Присев на обвалившиеся ступени старого фонтана в последнем из внутренних дворов, Ибрагим вдруг почувствовал, до чего устал. Вот уже битый час бродит он по этому дому — не дому, а развалине.

Между тем ему нельзя терять времени даром. Прошло десять дней, как он приехал в Толедо, и вполне можно понять советников короля, которые требуют ответа — примет Ибрагим должность главного откупщика налогов или не примет.

Купцу Ибрагиму из мусульманского королевства Севилья не раз приходилось вести дела с христианскими государями

Испании, но за столь колоссальное предприятие он еще никогда не брался. В казне Кастильского королевства давно уже зияли прорехи, а после того как король Альфонсо опрометчиво ввязался в войну с Севильей и потерпел поражение (случилось это, считай, пятнадцать месяцев назад), с государственными доходами стало и вовсе скверно. Дону Альфонсо нужны были деньги, много денег, причем незамедлительно.

Севильский купец Ибрагим был богат. Владел кораблями и поместьями, располагал кредитом как во многих исламских городах, так и в больших торговых центрах Италии и Фландрии. Но если он впутается в это кастильское дельце, придется, пожалуй, вложить весь свой капитал. И даже самый изощренный ум не в силах предугадать, удастся ли вытащить Кастилию из той неразберихи, которая ей грозит в ближайшие годы.

С другой стороны, посулы короля Альфонсо были чрезвычайно заманчивы. Ибрагиму передавали не только полномочия сборщика налогов и пошлин, но также и доходы с горных рудников. К тому же он не сомневался: если удастся раздобыть нужные деньги, можно выговорить себе еще и не такие условия — он будет контролировать *все* доходы королевства. Конечно, с тех пор, как христиане отвоевали этот край, торговля и ремесла пришли в упадок; и все-таки Кастилия — самое большое из испанских государств — была плодородной страной, ее недра скрывали огромные богатства, и Ибрагим считал, что у него достанет ума и сил вывести страну из теперешней разрухи.

Только как же руководить подобными начинаниями издали? Придется быть здесь, на месте, чтобы следить, как выполняются распоряжения; придется покинуть мусульманскую родину, Севилью, и перебраться сюда, в христианский Толедо.

Ему уже исполнилось пятьдесят пять. В жизни он достиг всего, чего хотел. Не следовало бы человеку его лет, человеку преуспевающему, даже помышлять о такой рискованной затее.

Подперев голову рукой, Ибрагим сидел на обвалившихся ступенях давно заглохшего фонтана — и вдруг понял главное: знай он наперед, что все это предприятие — пустая авантюра, и ничего больше, он все равно перебрался бы в Толедо, именно сюда, в этот дом.

Да, сюда его приманил именно этот несуразный, обветшалый дом.

Странная привязанность давно существовала между ним и этим домом. Конечно, он, Ибрагим, ворочает большими деньгами в гордой Севилье, он друг и советчик эмира и еще в ранней юности признал пророка Мухаммада. Но родился-то он не мусульманином, а иудеем, и это жилище, кастильо де Кастро, принадлежало его предкам, принадлежало роду Ибн Эзров все время, пока мусульмане были властителями Толедо. Только потом — уже сто лет минуло с тех пор — король Альфонсо, да, Альфонсо Шестой, отбил город у мусульман. Тогда-то бароны Кастро¹ и захватили дом Ибн Эзров. Ибрагим несколько раз бывал в Толедо, и каждый раз, томимый странным желанием, он останавливался у мрачных наружных стен дворца. Однако теперь, когда король изгнал семейство Кастро, а дом забрал в казну, он, Ибрагим, смог наконец-то проникнуть внутрь, осмотреться и поразмыслить — не стоит ли вернуть в свое владение то, чем издревле владели отцы и деды.

Неторопливым шагом, жадно впиваясь глазами во все подробности, он бродил по многочисленным лестницам, залам, комнатам, переходам, дворам. Запустелое, довольно-таки безобразное строение, больше напоминавшее крепость, чем дворец. Скорее всего, снаружи дом выглядел примерно так же, когда в нем обитали Ибн Эзры, предки Ибрагима. Но внутри, конечно, все тогда было устроено удобно, обставлено арабской утварью, а дворы напоминали тихие сады. До чего же заманчивая мысль — восстановить дом отцов, превратить неуклюжий, обветшалый кастильо де Кастро в красивый, изысканный кастильо Ибн Эзра.

Что за безрассудные помыслы! В Севилье он слышет князем среди купцов, его охотно принимают при дворе — наряду с поэтами, художниками, учеными, которых эмир созвал в Се-

¹ Слово «бароны» Фейхтвангер здесь и далее использует не в качестве особого дворянского титула, а в том более общем значении, в каком оно используется, например, еще в «Песни о Роланде». Слово «баго» в старом франкском языке означало любого свободно рожденного воина, подчинявшегося непосредственно королю. Со временем баронами стали называть родовитых владельцев сеньоров. На это словоупотребление и ориентируется автор. Поэтому не должно смущать, когда ниже возникает кажущееся противоречие между баронским и графским титулами, ведь, согласно роману, бароны Кастро владеют независимым графством. В собственном смысле баронский титул был пожалован нескольким представителям семейства Кастро позже, в XIII в.

вилью из всех арабских стран. Разве ему, Ибрагиму, там плохо? Напротив, ему там по душе, как и его любимым детям — Рехии, его девочке, и Ахмеду, его мальчику. Разве не грех, не сумасбродство — пускай даже мысленно, в шутку — променять благородную Севилью с ее высокой культурой на варварский Толедо!

А впрочем, не такое уж и сумасбродство — и уж давно не грех.

Род Ибн Эзров, благороднейший из всех иудейских родов полуострова, за последние сто лет то падал, то снова возвышался. Невзгоды, какие принесло с собой вторжение берберов в аль-Андалус, коснулись и Ибрагима; в ту пору он был еще мальчишкой, а звали его Иегуда ибн Эзра. Как и бóльшая часть евреев Севильского королевства, семья Ибн Эзра бежала в северную, христианскую Испанию. Однако ему, отроку, родные велели остаться и принять ислам. Они надеялись таким образом спасти часть накопленных богатств, потому что Ибрагим был дружен с сыном правителя, Абдуллой. И в самом деле, когда Абдулла взошел на престол, он вернул Ибрагиму состояние его семьи. Эмир знал, что друг его в душе оставался приверженцем старой веры; другие тоже знали, но до сих пор не слишком о том беспокоились. Однако теперь христиане вновь затевают поход против правоверных¹, и, когда начнется священная война, эмир Абдулла не сможет защитить еретика Ибрагима. Тогда не останется иного выхода, кроме как последовать примеру отцов и дедов — бежать в христианскую Испанию, бежать нищим, бросив все нажитое в Севилье. Так не разумнее ли переселиться в Толедо уже сейчас, по доброй воле, пока он богат и славен?

При желании он будет пользоваться здесь, в Толедо, не меньшим почетом, чем в Севилье. Стоило ему проронить одно только слово — и ему тут же предложили занять место Ибн Шошана, толедского министра финансов, тоже еврея; тот скончался три года назад. В здешнем королевстве Ибрагим, несомненно, сможет рассчитывать на любую должность, даже если открыто вернется к вере иудеев.

Тем временем кастелян посматривал на двор сквозь щель в ограде. Уже почти два часа, как чужеземец здесь; и что он так

¹ Третий крестовый поход (1189–1192).

разглядывает эти старые стены? Расселся, нехристь, будто у себя дома, будто намерен остаться здесь навсегда. Люди из свиты чужеземца, дожидавшиеся в наружном дворе, болтают, что в Севилье у него пятнадцать породистых коней и восемьдесят прислужников — тридцать из них чернокожие. Да, нехристи всегда жили в богатстве и роскоши. Ничего, хоть в прошлый раз король, наш государь, и дал маху, но однажды — да будут милостивы к нам Святая Дева и Сант-Яго¹ — мы этих мухаммеданцев разобьем, перебьем, а их сокровища заберем.

А чужеземец, похоже, и не собирался уходить.

Да, севильский купец Ибрагим сидел погруженный в раздумья. Ни разу в жизни он не принимал столь важного решения. В ту пору, когда африканцы пришли в аль-Андалус и он сменил веру, ему еще не исполнилось тринадцати лет. На нем тогда не лежало ответственности — ни перед Богом, ни перед людьми; за него все решила семья. А теперь приходилось решать самому.

Севилья словно бы излучала великолепие, зрелую красоту. Только, как утверждал его старый приятель Муса, это уже не зрелость, а перезрелость; солнце западного ислама миновало зенит и начало клониться к закату. Здесь, в христианской Испании, в этой несчастной Кастилии, всё впереди, подъем еще нужно осуществить. Люди здесь живут грубо и просто. Они сокрушили то, что создал ислам, и на скорую руку слепили все заново. Поля оскудели, землю обрабатывают прадедовскими способами, ремесла в упадке. Население заметно поубавилось, а те жители, которые еще остались, привычнее к войне, чем к мирным трудам. Он, Ибрагим, призовет сюда людей, которые научились что-то производить, которые сумеют извлечь из земных недр то, что праздно лежит там от века.

Нелегкое это будет дело — вдохнуть новую жизнь в обедневшую, разоренную Кастилию. Но именно потому оно и заманчиво.

Конечно, на это нужно время, нужны долгие годы мира, ничем не потревоженного мира.

И внезапно ему открылось: это Божий глас, это по Его наитию действовал Ибрагим уже тогда, пятнадцать месяцев назад,

¹ Святой Иаков, небесный покровитель Испании.

когда дон Альфонсо потерпел поражение и просил мира у владыки Севильи. Воинственный Альфонсо готов был согласиться на многое: уступить некоторые территории, возместить военные убытки, но изо всей мочи противился желанию эмира заключить мирный договор на целых восемь лет. А он, Ибрагим, внушал своему другу-эмиру, что надо настаивать на этом требовании, — лучше уступить в чем-то другом, удовлетвориться меньшими выплатами и даже пожертвовать частью предложенных земель. В конце концов он добился своего. Подписанный и скрепленный печатями договор гласил: восемь лет перемирия, целых восемь лет. Да, это сам Бог взывал к нему тогда: «Отстоять мир! Не сдавайся, ты должен отстоять мир!»

И тот же внутренний голос направил его сюда, в Толедо. Вспыхни новая священная война — а она обязательно вспыхнет — и кастильский забияка, дон Альфонсо, легко поддастся соблазну нарушить мир с Севильей. Но он, Ибрагим, будет здесь, при короле, и постарается удержать его любыми средствами: хитростью, угрозами, доводами рассудка, — и даже если не удастся отговорить короля от участия в священной войне, какое-то время Ибрагим все-таки выиграет.

А каким благословением будет для иудеев, его иудеев, если при начале войны он, Ибрагим, будет заседать в королевском совете. Ведь первыми жертвами крестоносцев, как бывало это и в прежние войны, станут евреи, но он протянет руку и оградит их.

Ибо он брат им в сердце своем.

Севильский купец Ибрагим не лгал, называя себя последователем ислама. Он чтил Аллаха и пророка, любил арабскую поэзию и ученость. Он сроднился с обычаями мусульман; для него стало привычкой по пять раз на дню совершать предписанные омовения, пять раз падать ниц и, обратив лицо к Мекке, творить молитвы, а если ему предстояло важное решение или поступок, он по зову сердца обращался к Аллаху и произносил первую суру Корана. Однако по субботам он собирал сеvilьских евреев в подвальном покое своего дома, где была тайная молельня, и вместе с ними возносил хвалу богу Израиля и читал Великую Книгу. И сердце его исполнялось блаженного спокойствия. Он знал — то было глубочайшее исповедание веры,

и каждый раз, исповедуя истину из истин, он чувствовал, как очищается от полуистин, произнесенных за неделю.

Это Бог праотцев, Адонай¹, зажег в его сердце сладостно-горькое желание вернуться в Толедо.

В ту пору, когда на андалусских евреев обрушились великие невзгоды, один из его дядей, Иегуда ибн Эзра², сумел-таки помочь своему народу отсюда, из Кастилии. Тот Иегуда был военачальником на службе у тогдашнего короля, Альфонсо Седьмого. Он отстоял приграничную крепость Калатраву от натиска мусульман, и тысячи, десятки тысяч евреев, бежавших из аль-Андалуса, укрылись в ее стенах. Подобное посланничество возложено Богом и на него — того, кто был купцом Ибрагимом.

Да, он возвратится сюда, в сей дом.

Его живое, быстрое воображение мигом нарисовало, каким станет этот дом в будущем. Снова бил фонтан, двор тихо расцветал в тени деревьев, спокойная, но разнообразная жизнь наполняла пустынные покои, нога ступала по мягким коврам, а не по суровым каменным плитам, по стенам бежали надписи, еврейские и арабские, стихи из Великой Книги, из мусульманских поэтов, и везде слышалось освежающее журчание прохладной воды, и в одном ритме с нею текли грезы и мысли.

Да, таким и станет сей дом, и он вступит в него под тем именем, какое принадлежит ему по праву: Иегуда ибн Эзра.

Он не старался припомнить стихи из Великой Книги, которая отныне заменит ему Коран, — стихи, которые благословят и украсят его дом, пришли в голову сами собой: «Горы сдвинутся, и холмы поколеблются, — а милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется»³.

По его губам растекалась безмятежная, блаженная улыбка. Внутренним взором он уже видел надпись с торжественными словами Божьего обетования: черными, синими, красными и золотыми письменами вилась она по верху стен, украшая его спальню. Всякий раз, отходя ко сну, он запечатлеет эти слова в своем

¹ Одно из имен Бога в иудаизме.

² Иегуда (Иуда) ибн Эзра действительно состоял на службе у Альфонсо VII. В 1146 г. в ходе войны с маврами он завладел пограничной крепостью Калатравой и был назначен ее комендантом.

³ Ис. 54: 10.

сердце, и они же будут приветствовать его по утрам, в минуту пробуждения.

Он поднялся, расправил плечи. Решено, он переберется сюда, в Толедо, поселится в старом доме праотцев, заново отстроит его. Он вдохнет новую жизнь в суровую обнищавшую Кастилию, он позаботится о том, чтобы сохранить мир и обеспечить приют гонимым сынам Израиля.

Манрике де Лара, первый министр, разъяснял дону Альфонсо содержание договоров, согласованных с севильским купцом Ибрагимом; королю оставалось только скрепить их подписью. Королева присутствовала при докладе. В христианской Испании давно вошло в обычай, чтобы супруга государя делила с ним бремя власти; в ее привилегии входило участие в государственных делах.

На столе лежали три документа, в которых соглашения были изложены по-арабски. Договоры были длинные и обстоятельные, и дону Манрике потребовалось много времени, чтобы все объяснить подробно.

Король, похоже, слушал краем уха. Донье Леонор и первому министру пришлось долго и настойчиво убеждать дону Альфонсо, чтобы он согласился принять неверного на службу. Ведь именно по вине этого нехристя королю пришлось пятнадцать месяцев назад подписать столь жесткий мирный договор.

Да уж, хорош мирный договор! Приближенные внушили ему, что договор чрезвычайно выгоден. В самом деле, дону Альфонсо, вопреки всем опасениям, не пришлось возвращать эмиру крепость Аларкос, дорогой ему город, который он отвоевал у мавров в свой первый поход и присоединил к Кастильскому королевству. Сумма на покрытие военного урона тоже не была чересчур высокой. Но восемь лет перемирия! Молодой пылкий король, солдат до мозга костей, просто представить себе не мог, как это так: ему придется ждать восемь бесконечно долгих лет, а неверные тем временем будут похвастаться своей победой. И с человеком, навязавшим ему столь позорный мир, он теперь вынужден заключить второй договор, тоже чреватый последствиями! Отныне ему придется постоянно терпеть этого человека рядом с собой, выслушивать его сомнительные предложения! В то же время нельзя было не согласиться с теми доводами, которые

приводили умница-королева и надежный друг Манрике: с тех пор как умер Ибн Шошан, старый добрый богатый еврей, становится все затруднительней раздобыть хоть сколько-то денег у крупных торговцев и банкиров, и помочь во всех этих финансовых неурядицах способен не кто иной, как купец Ибрагим из Севильи.

Рассеянно слушая Манрике, он задумчиво разглядывал донью Леонор.

В королевском замке Толедо ее видели не часто. Она родилась в герцогстве Аквитании, очаровательной стране на юге Франции, где придворная жизнь отличалась изяществом и галантностью. А в Толедо, хоть город уже сто лет назад перешел в руки кастильских королей, все казалось ей грубым и неотесанным, как в военном лагере. Конечно, она понимала, отчего дону Альфонсо приходится проводить большую часть жизни в этой своей столице, под боком у извечных врагов, но сама королева все-таки предпочитала держать двор в Бургосе, на севере Кастилии, неподалеку от родных краев.

Альфонсо, хоть он ни с кем об этом не говорил, хорошо знал, зачем донья Леонор на этот раз явилась в Толедо. Разумеется, она здесь по просьбе дона Манрике. Должно быть, его министр и добрый друг решил, будто без доньи Леонор ни за что не подвинуть короля на то, чтобы он назначил неверного своим канцлером. Но в сущности, Альфонсо и сам скоро осознал неизбежность такого шага; он бы и сам все сделал, без уговоров доньи Леонор. Тем не менее он был доволен, что для виду долго противился; приятно, что донья Леонор снова здесь, рядом с ним.

До чего же тщательно она нарядилась! А ведь им предстояло всего-навсего выслушать доклад Манрике, доброго друга. Она всегда старалась сочетать в своем облике очарование и королевское достоинство. На его вкус, это было немного смешно, и все же он смотрел на нее с удовольствием. Пятнадцать лет тому назад, едва выйдя из детского возраста, она покинула двор своего отца, Генриха Английского, и стала невестой Альфонсо. Немало времени провела она в нищей, суровой Кастилии, где военные походы не оставляли досуга для куртуазных забав, но вопреки всему донья Леонор осталась верна утонченным придворным манерам, тем самым сохранив дух родины.

Несмотря на двадцать девять лет, она казалась девочкой, одетой в тяжелое роскошное платье. Даже при своем небольшом росте она выглядела очень представительной. Пышные светлые волосы схвачены красивым обручем. Лоб высокий, благородно очерченный. Большие умные зеленые глаза глядят, пожалуй, холодно, будто она тебя испытует, но чуть заметная улыбка озаряет спокойное лицо, делает его теплее и приветливее.

Что же, милая донья Леонор может посмеиваться над ним, сколько ей заблагорассудится. Умом-разумом Господь его не обделил. Альфонсо и сам способен сообразить — не хуже жены и ее отца, английского короля, — что для процветания Кастилии поднять хозяйство не менее важно, чем посвящать себя трудам войны. Да вот незадача: ему не по душе хитроумные окольные пути. Допустим, они ведут к цели вернее, чем меч, но для него все это чересчур медленно и скучно. Он ведь солдат, а не счетовод. Да, солдат и еще раз солдат. И такие, как он, особенно нужны сегодня, когда сам Господь повелевает христианским государям неустанно вести войну с неверными.

Донья Леонор тоже предалась ходу своих мыслей. Глядя в лицо своему Альфонсо, она видела, что в нем борются противоположные чувства: да, он все понял и готов смириться с неизбежным, но все-таки не может не скрипеть зубами, не сопротивляться. Быть государственным мужем ему не дано — никто не знал этого лучше, чем она, дочь короля и королевы, за дерзкой и хитрой политикой которых вот уже несколько десятилетий пристально наблюдал весь западный мир. Альфонсо проявляет большую сообразительность, когда ему это по-настоящему нужно, однако неукротимый нрав то и дело сокрушает стену разума. Эту горячность, эту веселую удадь она любила в нем больше всего.

— Как видишь, государь, и ты, донья Леонор, тоже, — закончил свою речь дон Манрике, — он не отступился ни от одного из выдвинутых им условий. Однако и предлагает он нам гораздо больше, чем способен дать кто-либо другой.

Дон Альфонсо бросил рассерженным тоном:

— И кастильо он тоже хочет взять себе! Как альбороке!

Словом *альбороке* принято было называть подарок, которым, согласно правилам тогдашней вежливости, сопровождалось заключение договора.

— Нет, государь, — ответствовал дон Манрике. — Прости, что забыл о том упомянуть. Он не желает получить кастильо просто так, в подарок. Он хочет его купить. За тысячу золотых мараведи.

Это были огромные деньги, обветшалый дворец не стоил и половины. Широкий жест! Такое предложение приличествовало бы знатному вельможе, но со стороны севильского купца это, пожалуй, наглость! Поднявшись, Альфонсо зашагал по зале из угла в угол.

Донья Леонор смотрела на него. Этому Ибрагиму придется хорошо постараться, чтобы угодить ее Альфонсо. Ведь он рыцарь, кастильский рыцарь. Как он хорош — настоящий мужчина, и притом, несмотря на свои тридцать лет, юношески горяч! Часть детства донья Леонор провела в замке Донфрон; там имелось вырезанное из дерева изображение молодого грозного святого Георгия — он считался могущественным охранителем замка, и она часто вспоминала тот святой образ, глядя на смелое, решительное худощавое лицо Альфонсо. Ей нравилось в нем все: светлые, чуть в рыжину волосы, короткая окладистая борода, выбритая у самых губ — так, чтобы четко выступал узкий рот. Но больше всего ей нравились выразительные серые глаза Альфонсо, в которых иногда, в минуту возбуждения, словно бы вспыхивало предгрозовое зарево. Вот и сейчас глаза у него такие.

— Он просит тебя лишь об *одной* милости, — продолжал Манрике. — Он желал бы сам предстать пред очи твоего величества и от тебя лично получить подписанные акты. Эмир, — пояснил Манрике, — возвел его в сан рыцаря, поэтому ему так важно соблюсти свое достоинство. Не забывай, дон Альфонсо, что в землях неверных купец пользуется не меньшим почетом, чем воин, у них ведь даже пророк был купцом.

Альфонсо расхохотался — его настроение улучшилось; когда он смеялся, лицо его по-мальчишески сияло.

— Может, еще прикажешь мне побеседовать с ним по-еврейски? — воскликнул он.

— Латынью он владеет более чем сносно, — ответил Манрике деловым тоном. — Да и на кастильском наречии изъясняется неплохо.

Фейхтвангер Л.

Ф 36 Испанская баллада : романы / Лион Фейхтвангер ; пер. с нем. Г. Потаповой, В. Станевич. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 736 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26830-2

Более века Лион Фейхтвангер (1884–1958) остается одним из самых популярных в мире немецких авторов. И это тот случай, когда причины многолетней читательской любви вполне ясны: его творчество — одна из вершин жанра исторического романа. Подлинный мастер, Фейхтвангер обладает редким умением создавать увлекательное повествование, глубоко и детально погружаясь в хитросплетения исторических событий. В своих романах — даже тех из них, что посвящены самым отдаленным эпохам и малоизвестным эпизодам, — автор неизменно бережен к своему читателю: творимая им реальность убедительна, но бесчисленные исторические подробности он вплетает в повествование так аккуратно и продуманно, что большинство из них оказываются понятными и ожидающими осмысления, будто события собственной эпохи. Фейхтвангер никогда не изображает историю ради нее самой: любой из его романов — это всегда тонкое и точное, призывающее к размышлениям или полемике наблюдение за глубинными процессами, которые управляют течением человеческой жизни прежде, которые управляют им в любые времена.

В настоящий сборник вошли один из самых сильных, захватывающих и поэтических романов Фейхтвангера «Испанская баллада» (1954), а также ранний роман «Безобразная герцогиня Маргарита Маульташ» (1923). Действие первого происходит в XII веке в Кастилии, действие второго — в XIV веке в Тироле, однако оба они скрывают за увлекательным сюжетом рассуждение о человеческой личности и поиске своего места в обществе, с его предписаниями и стереотипами, — рассуждение тем более острое, что центральная роль в обеих книгах отведена женщинам, которым оказывается тесно в рамках предписанного им места в средневековом обществе.

Роман «Испанская баллада» впервые публикуется в новом переводе.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)-4

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР
ИСПАНСКАЯ БАЛЛАДА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Мария Выбурская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Ольга Попова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.12.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 45.08. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
/Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-35827-01-R